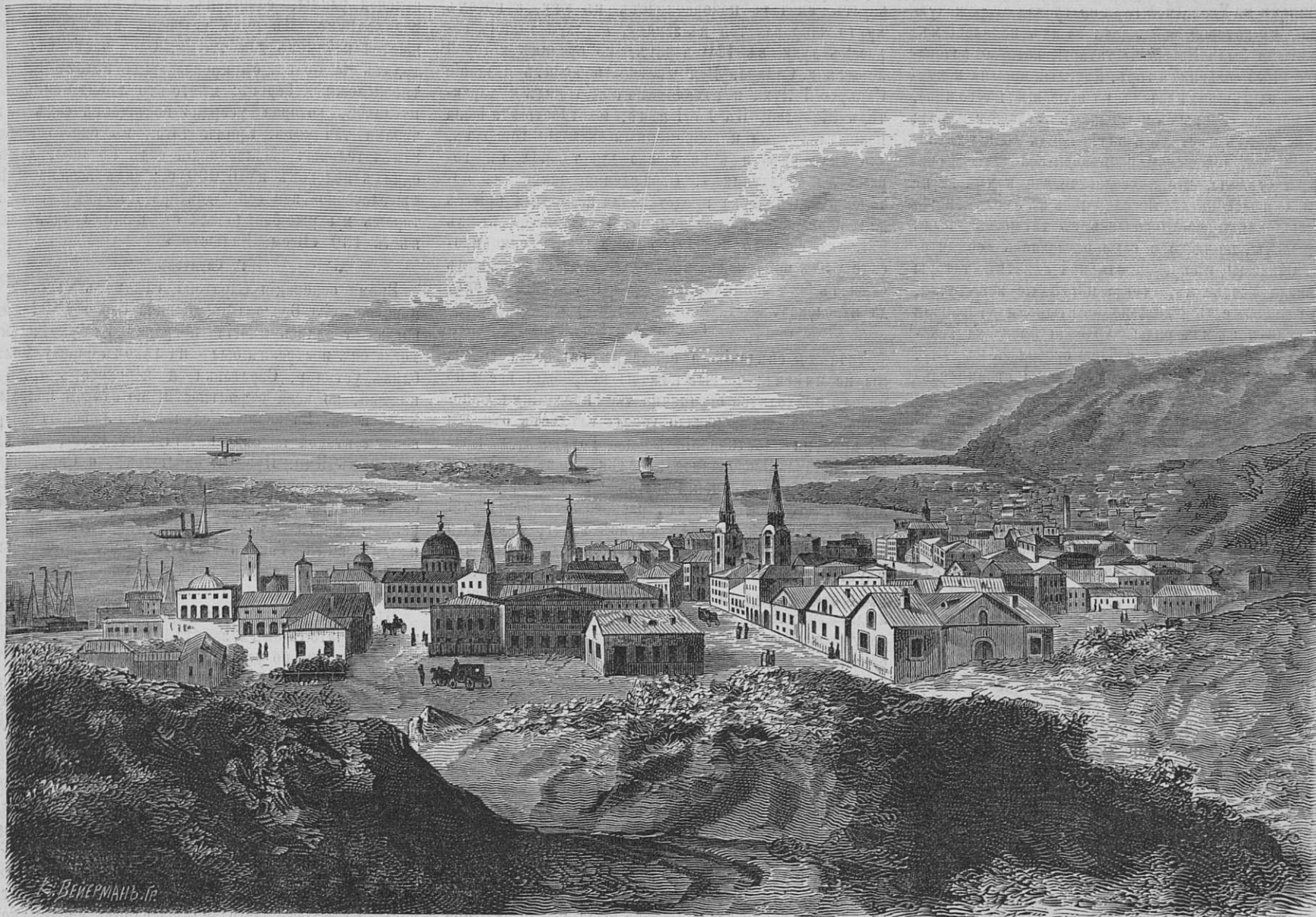
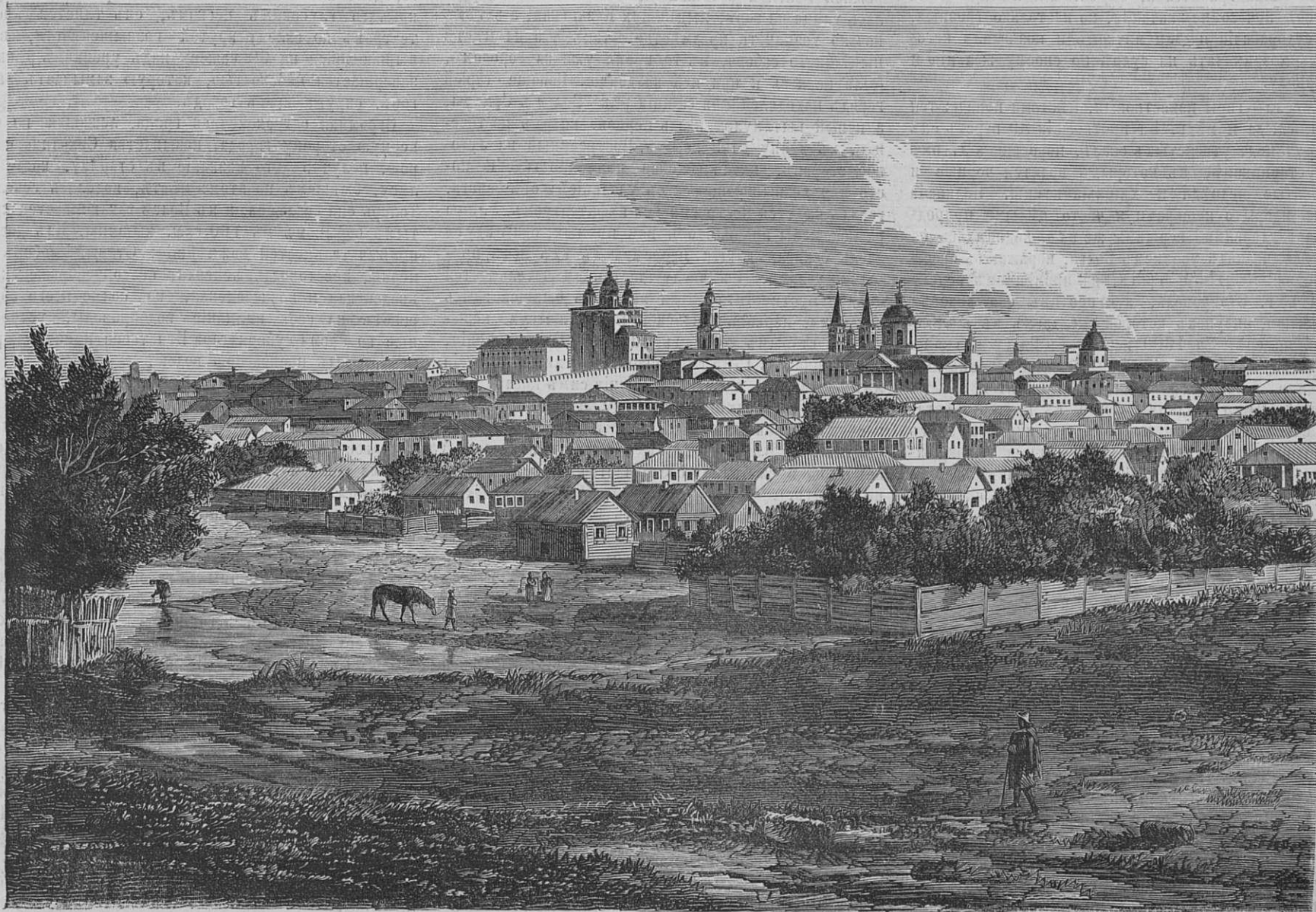

Путешествіе Государя Императора. — Видъ города Саратова.
(Рисов. на дер. А. Н. Нисченковъ, грав. К. Вейерманъ).

Путешествіе Государя Императора. — Видъ города Астрахани, съ юга.
(Рисов. на дер. А. Н. Нисченковъ, грав. Ф. Герасимовъ).

хищниками на Усольской горѣ построили сторожевую башню, съ которой наблюдали за ихъ появленіемъ. Хищниками были Нагайскіе татары, которые кочевали вокругъ Усольскихъ горъ. Круглыя насыпи и курганы въ нынѣшнихъ дачахъ, по преданію, ничто иное, какъ могилы славныхъ нагайскихъ витязей и мурзъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по сіе время видны татарскія надписи, доказывающія правдивость этихъ сказаній, и странно, что археологическая коммисія не подумала о раскопкахъ. Поселившись въ Усольѣ, наши промышленники часто дрались съ татарами, были побѣждаемы, но часто и сами оставались побѣдителями. Однажды, въ кровопролитной схваткѣ, татары одолѣвали Усольцевъ; тогда послѣдніе вспомнили, что у нихъ есть женщина богатырь и уговорили ее вступить въ ихъ ряды. Храбрая амазонка вскочила на бѣлаго коня и съ саблею бросилась въ сѣчу. Ободренные ея появленіемъ, Усольцы стремительно напали на татаръ, гнали, рѣзали ихъ, и, въ воспоминаніе этой сѣчи, назвали мѣсто это рубленымъ. Не смотря на тревоги, соляные промыслы продолжали привлекать новыхъ переселенцевъ, и въ короткое время на мѣстѣ незначительнаго поселка явилось четыре слободы. И теперь слободы эти однѣ изъ богатѣйшихъ, жители ихъ занимаются соляными промыслами, и по сіе время рассказываютъ, что въ горахъ у нихъ много золота. Рассказы эти ни кѣмъ еще не проверены и горы продолжаютъ носить на себѣ вполнѣ дѣйствительный характеръ.

Нынѣшній владѣлецъ Усоля, на мѣстѣ бывшей сторожевой башни, называемой и по сіе время рубленымъ бугромъ, поставилъ каменную башенку, состоящую почти только изъ оконъ и носящую названіе Усольской свѣтелки. Ее трудно не замѣтить, проѣзжая по Волгѣ, и видъ изъ нея великолѣпенъ. Отсюда Волга виднѣется во всей своей величавости на 90 верстѣ и голубой пеленой омываетъ дикія Жигули, знаменитыя въ народныхъ сказаніяхъ о Стенькѣ Разинѣ и волжскихъ разбойникахъ. Нѣсколько кургановъ, отличающихся своею неприступностью, и по сіе время носятъ названіе Стенькиныхъ кургановъ, но который изъ нихъ былъ дѣйствительнымъ его притономъ, опредѣлить весьма трудно. Движеніе пароходовъ прекратило грабежи по Волгѣ, но и по сіе время многіе бурлаки помнятъ магическія слова грабителей, *сарынь на кичку*, сами по себѣ ничего не значація, но настолько грозныя, что судорабочіе падали ничкомъ и позволяли негоднымъ хозяйничать на суднѣ по своему желанію и произволу.

Жигули—горы известковыя, мѣстами попадаются сѣра, слюда и мѣдъ. На протяженіи 80 верстѣ онѣ имѣютъ видъ утесистыхъ скалъ, поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ, въ которыхъ водятся черныя и буроватыя медвѣди и хищныя птицы. Подножіе скалъ прорыто пещерами и часто цѣлыми природными галереями, вершины же ихъ, поднимаясь на 100 сажень надъ уровнемъ Волги, поражаютъ своею дикостью. На 1550 верстѣ, на низменномъ берегу лежитъ г. Ставрополь, а супротивъ его деревня Морваши, рисунокъ которой мы даемъ въ настоящемъ номерѣ. На 1600 верстѣ въ Волгу впадаетъ р. Сохъ. У самаго устья ея лежитъ деревня Царевщина, а подлѣ ея среди Волги высится Царевъ курганъ. Имѣя овальную форму съ крутыми боками, завершающимися плоскостью, курганъ этотъ въ вышину имѣетъ около 150 футъ и въ окружности около полуверсты. Состоитъ онъ изъ сѣровато известковыхъ глыбъ, съ едва замѣтными окаменѣlostями. Съ сѣверной стороны онъ поросъ деревьями, съ другихъ же сторонъ деревья встрѣчаются только у подношья.

О происхожденіи кургана есть много сказокъ. Такъ напримѣръ легенды говорятъ, что онъ насыпанъ русскими воинами, окруженными татарами. Видя безвыходность своего положенія, русскіе витязи, замѣтивъ небольшой островокъ, стали перебираться на него и всины стали носить шапками землю и, насыпавъ курганъ, защищались отъ татаръ. Перебитые ими, хоронили другъ друга тутъ же, такъ что насыпанный ими курганъ сталъ имъ и могилой. Говорятъ еще, что въ старинныя времена курганъ этотъ насыпанъ въ память могущества какого-то витязя. На самомъ же дѣлѣ курганъ этотъ образовался отъ движенія весеннихъ водъ во время разливовъ, отчего онъ и получилъ овальную окружность, да и самыя глыбы, составляющія курганъ, такъ велики, что сдвинуть ихъ съ мѣста, безъ пособія машинъ, весьма трудно даже и сказочными богатырями.

Еще у Ставрополя Волга круто заворачиваетъ на востокъ и, сохраняя такое направленіе около 60

верстѣ, сначала поворачиваетъ къ югу, а потомъ круто направляется къ западу, образуя такимъ образомъ дугу въ 150 верстѣ, по срединѣ которой лежитъ г. Самара. Вся мѣстность носитъ названіе Самарской Луки и сохраняетъ общій видъ и характеръ Жигулей. Въ XVII вѣкѣ, мѣстность эта была покрыта лѣсами и современныя сказанія говорятъ, что «измѣрить ихъ не можно для того, что по горамъ лѣсъ частникъ». Огражденная широкимъ потокомъ Волги, Лука представляла надежный пріютъ для первыхъ ея поселенцевъ, состоявшихъ изъ бѣглыхъ со всей Россіи, о которыхъ, если спросите у ихъ потомковъ, мѣстныхъ жителей, они вамъ скажутъ безъ запинки, что «то былъ всякій сбродъ, да наволока».

Г. Самара.

Точныхъ свѣдѣній о времени построенія города мы не имѣемъ; частые пожары истребили все и по неволѣ приходится ограничиваться преданіями. Основываясь на нихъ, начало города слѣдуетъ отнести ко времени царствованія Бориса Годунова, или же царя Михаила Феодоровича, повелѣвшаго въ 1635 году соорудить, для охраненія торговли по Волгѣ, укрѣпленіе на томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ нынѣшній городъ. Такъ или иначе, но изъ топографическаго описанія Оренбургскаго края Рычковымъ, видно, что у устья р. Самары стоялъ кремль, а востокъ его, за рубленой стѣной и рогатками, жили въ слободѣ люди служилые, иностранцы и казаки. Въ 1670 году разбойникъ Стенька Разинъ занялъ Самару обманомъ и разграбилъ ее, послѣ раззоряли ее кочевые народы, затѣмъ въ 1764 году городъ былъ уничтоженъ и присоединенъ къ Сызрани. Въ 1769 году часть земель Самарскихъ пожалована была графу Орлову и князю Долгорукову, а въ 1780 году Самара вновь названа городомъ и къ ней приписанъ уѣздъ, въ 1850 же году образована Самарская губернія и Самара переименована изъ уѣзднаго въ губернскій городъ. Такимъ образомъ, въ историческомъ отношеніи нынѣшнюю Самару слѣдуетъ раздѣлить на двѣ части: старый, незначительный по протяженію городъ, и новый. Первоначально, какъ это было уже сказано, Самара была крѣпостью при устьѣ рѣки того же имени, построенной на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ театръ и состояла изъ набережной Волги и большой улицы. Потомъ застроилась улица на горѣ, нынѣшняя Казанская, а затѣмъ начало возникать предмѣстье, такъ что на мѣстѣ нынѣшняго собора, въ то время уже за городомъ, была церковь и при ней кладбище. Вообще старый городъ находился при слияніи рѣкъ Волги и Самары, а новый вытянулся вдоль первой, вверхъ по теченію, въ длину до 5 верстѣ. Построенный на луговой сторонѣ, начинающейся низменностью и постоянно возвышающеюся съ удаленіемъ отъ берега, городъ кажется построеннымъ амфитеатромъ. Улицы расположены правильно и всѣ прямыя, однѣ идутъ вдоль берега, другія пересекаютъ ихъ подъ прямыми углами. Къ числу достопримѣчательностей слѣдуетъ отнести: остатки вала отъ бывшей здѣсь крѣпости, церковь Казанской Божіей матери, называемая старымъ соборомъ, церковь Благовѣщенія, построенная въ 1785 г., церковь во имя св. Алексія митрополита, въ память посѣщенія симъ послѣднимъ города, при поѣздѣ его въ Орду, и часовня, называемая Бурлацкою, на томъ мѣстѣ, гдѣ высаживался Святитель. Въ ней стоитъ образъ съ неугасимою лампадою и ежегодно обозначается уровень весеннихъ водъ.

Г. Самара принадлежитъ къ важнѣйшимъ рынкамъ для сбыта сельскихъ произведеній и преимущественно замѣчательна по торговлѣ хлѣбомъ, скотомъ и саломъ. Изъ хлѣбныхъ продуктовъ первое мѣсто принадлежитъ пшеницѣ бѣлотуркѣ, которой закупается здѣсь для отпуска въ Рыбинскъ и на другія приволжскія пристани до 800,000 четвертей; изъ другихъ хлѣбовъ продается ржи и ржаной муки до 230,000 четверт. (тахішм), проса и льняного сѣмени до 50,000 четвертей, всѣхъ же вообще хлѣбныхъ продуктовъ сбывается отъ 700,000 до 1.200,000 четв. Изъ всѣхъ низовыхъ приволжскихъ городовъ ни одинъ, по удобству пристани, не можетъ сравниться съ Самарой. Волга протекаетъ близъ самаго города и во время половодья подходитъ къ самымъ хлѣбнымъ амбарамъ; глубина ея здѣсь постоянная и не препятствуетъ приставать къ пристани самымъ большимъ судамъ. Общественныхъ зданій считается въ Самарѣ до 2,900, при 53,000 жителей обоего пола. Въ городѣ обращаетъ на себя вниманіе Струковскій садъ, нынѣ общественный. Онъ находится на сѣверной оконечности Ка-

занской улицы, обширенъ, тѣнистъ и содержится великолѣпно. Въ немъ устроенъ вокзалъ и помѣщается кабинетъ для чтенія. Одна часть сада выходитъ на Волгу, съ прекраснымъ видомъ на противоположный берегъ; мѣсто это любимо самарской публикой, которая усердно посѣщаетъ садъ и вечерами танцуетъ. Кромѣ того, въ окрестностяхъ замѣчательны: Малаконскій садъ Грачева, дающій однихъ яблоковъ на 6,000 р.; садъ Анаева и Ку-мысолечебное заведеніе доктора Постникова, о которомъ мы уже бесѣдовали съ нашими читателями въ № 130 «Всем. Иллюстр.»

Г. Саратовъ.

Время основанія Саратова слѣдуетъ отнести къ царствованію Феодора Иоанновича около 1591 года, когда строились многія пограничныя укрѣпленія. Тогда онъ построенъ былъ на лѣвомъ берегу Волги, близъ устья р. Саратовки и перенесенъ близъ на правый, по всей вѣроятности, во второй половинѣ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ, въ любопытной рукописи второй половины XVIII столѣтія, находящейся въ Имп. Публич. библіотекѣ, о Саратовской губерніи говорится, что Саратовъ въ 1782 году былъ небольшимъ городкомъ, раскинутымъ на берегу р. Волги и раздѣлялся Глѣбовымъ оврагомъ на двѣ части. Городъ былъ обнесенъ деревянными стѣнами съ башнями, а на Соколовой горѣ стояла сторожевая башня.

Въ 1667 году, во время появленія Стеньки Разина, Саратовъ былъ занятъ мятежниками и почти раззоренъ, но по усмирении бунта онъ началъ становиться многолюднѣе и богатѣть годъ отъ году. Въ 1718 году Саратовъ, вмѣстѣ съ другими городами, составлялъ часть Астраханской губерніи.

Начало царствованія императрицы Екатерины II было ознаменовано поселеніемъ колонистовъ, оживившихъ пустынные тогда берега р. Волги. Въ 1774 году злодѣйствуя по Волгѣ, Пугачевъ подступилъ къ Саратову и занялъ его съ помощью измѣны. Въ 1797 году онъ сталъ губернскимъ городомъ, и выстроился за ново уже около 1810 года. Не мало выстрадалъ за все время своего существованія, Саратовъ, благодаря выгодному своему положенію, продолжалъ разрастаться и въ настоящее время считается однимъ изъ лучшихъ губернскихъ городовъ Россіи. Начинаясь отъ берега Волги, покрытаго глубокимъ пескомъ, онъ тянется амфи театромъ по склону крутой возвышенности, возвышающейся на 30 сажень надъ уровнемъ рѣки и завершается плоскостью, которую замыкаетъ рядъ горъ, окружающихъ городъ.

Огромная остроконечная гряда, лежащая по сѣверную сторону города, называется Соколиною горою, получивъ это названіе въ старину, когда въ лѣсу, бывшемъ на этомъ мѣстѣ, водились соколы. Теперь она безлѣсна, и къ Волгѣ заканчивается крутымъ обрывомъ въ 100 саж. вышины. Изъ достопримѣчательностей важнѣйшія: Старый соборъ и церкви крестовоздвиженская, спасопрображенская, введенская и вознесенская, но болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе водопроводы, устроенные во время губернатора Игнатъева и снабжающіе весь городъ прекрасною водою.

По положенію своему на Волгѣ, въ центрѣ богатаго сырыми продуктами края, Саратовъ естественнымъ образомъ долженъ былъ получить весьма важное торговое значеніе. Саратовское купечество ведетъ весьма обширную хлѣбную торговлю и не только въ самомъ Саратовѣ, но и на многихъ другихъ хлѣбныхъ рынкахъ и пристаняхъ. Кромѣ обычной отправки хлѣба вверхъ по Волгѣ, кромѣ дѣятельнаго участія на медвѣдичьихъ пристаняхъ при сплавлѣ хлѣба, для иностранныхъ негодіантовъ, здѣшніе купцы продовольствуютъ хлѣбомъ Астрахань и другія мѣста Каспійскаго побережья. Въ Саратовѣ на берегу Волги стоитъ до 300 амбаровъ для склада хлѣба, въ самомъ городѣ постоянно открыто 130 большихъ хлѣбныхъ лавокъ. Лѣтъ 35 назадъ въ Саратовѣ не было крупчатки и хлѣбные торговцы, для продовольствія города, получали крупчатую муку изъ Пензы и даже изъ Ельца; въ настоящее же время вокругъ города непрерывно дѣйствуютъ 20 крупчатыхъ мельницъ, на которыхъ ежегодно перемалывается до 3.000,000 пуд. Пристань саратовская тянется вдоль всего берега, но, къ сожалѣнію, устроена весьма плохо. Жителей въ Саратовѣ въ настоящее время считается 84,390 душъ, при 6,450 жилыхъ зданіяхъ.

Не касаясь уже г. Астрахани, описаніе котораго мы помѣстили въ 132 № «Всемірной Иллюстраціи» за настоящій годъ, мы закончимъ этимъ

краткіе очерки нашего привольнаго Поволжья и въ заключеніе скажемъ, что едва ли есть еще страна, гдѣ хлѣбная или иная торговля затрогивала бы столь огромное количество интересовъ и имѣла бы столь значительное вліяніе на весь край, какое имѣетъ торговля въ волжскомъ районѣ на экономическій бытъ всей Россіи.

А. Нисченковъ.

На дальнемъ Сѣверѣ.

(Очерки глухой стороны).

Случайная встрѣча.

Глушь. Безпроектная, сѣверная глушь.

Изъ непрогляднаго моря сѣраго тумана, мрачно возносятся угрюмыя, гранитныя скалы. Куда не взглянешь—повсюду ихъ черныя, величавыя вершины, то острыя и стройныя, какъ башни готическихкихъ храмовъ, то круглыя и массивныя, застилаютъ мгlistый горизонтъ этого печальнаго края. Въ темныхъ, изломчатыхъ скважинахъ отвѣсныхъ обрывовъ лѣнятся безобразныя клочья тумана... Все выше и выше ползутъ они... Верхушки скалъ словно плаваютъ, исчезая одна за другою въ этой однообразно-сѣрой, безформенной массѣ. А по небу медленно тянутся полярныя тучи, какъ чудовищныя амфибіи, одна за другою тихо развертываясь и захватывая послѣднія, свѣтлыя окраины дня.

Тихо, мертво и дико.

Послѣднюю гордую вершину темнаго утеса окутало сѣрою мглою и мы погрузились въ безконечный океанъ тумана. Едва замѣтная прежде тропка совершенно пропала на гладкомъ камнѣ, обрывавшемся почти вертикально внизъ, гдѣ что то шумѣло и ворчало—не то сдавленный гранитными оковами потокъ, не то мощный звѣрь, неожиданно попавшій въ западню.

— Чортова яма! указалъ мнѣ проводникъ на эту пропасть.

— Что такое?

— Чортова яма прозывается, падь проклятая. Вода крутить; вишь ты, востъ, словно непогребенный мертвецъ.

Шумно размахивая крыльями, мимо меня пронесся черный, громадный воронъ и тутъ же усѣлся на плоской площадкѣ одного изъ уступовъ.

— Неужели здѣсь ничего не растетъ? спросилъ я.

— Чему расти на камнѣ? Въ понизь мохъ есть—оленка любитъ. А тутъ, гляди, словно плашь, чисто. Голина одна. Такихъ мѣстовъ у насъ мало.

— Живетъ тутъ кто?

— Есть человѣкъ. На двадцать верстъ кругомъ ни одной больше христіанской души не найди. Застанетъ тебя это выюга—ложись на камень и жди. Избы-то первыя въ Дальней Чуѣ.

— А гдѣ живетъ тотъ, про котораго ты говорилъ?

— Его, не знаю, не найди. Дикой совсѣмъ.словно волкъ, такъ мы его волкомъ и прозвали.

— Что у него, изба?

— Самъ повидаешь.

— Да приметъ ли онъ на ночлегъ?

— Какъ не принять. На это онъ добрый, только не разговорчивъ очень.

— Крестьянинъ?

— Теперь къ нашей волости приписанъ. А прежде, говорятъ, бариномъ былъ.

— Чтожъ, изъ ссыльныхъ развѣ?

— Есть того. Изъ несчастныхъ. Куда ты, куда; алы жизнь не мила?

Я остановился, какъ вкопанный; передо мной зіяло черное отверстіе какой-то громадной воронки, образованной двумя выемчатыми, сросшимися по краямъ, скалами. Еще одинъ шагъ и я, по всей вѣроятности, разбился бы далеко внизу, объ острыхъ вершины откосовъ, гребни которыхъ едва-едва виднѣлись подъ сѣрою пеленою тумана.

— Тутъ, братъ, не столбовая дорога! Рта не развѣвай, убѣдись.

Въ увлеченіи разговора я и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ этому опасному обрыву.

— Ты иди за мной. Эфти мѣста я проходилъ не разъ. — Знаю. Оногдасъ за песцами гонялся, такъ и самъ чуть въ Воронье дно не попалъ. Тутъ бы и конецъ крещеной душѣ.

— Что это за Воронье дно?

— А гдѣ дикой-отъ живетъ. Скоро, теперь два поворота еще. О гой-га! заоралъ во всю мочь мой проводникъ.

Немного спустя издали послышался глухой откликъ.

— Здѣсь, значить. Словно волкъ въ лоцинѣ таится.

— Чѣмъ же онъ занимается?

— А звѣрь ловить, песцовъ тоже, горностаевъ. На медвѣдей лютъ ходитъ. Верстъ за тридцать отсюда много ихъ. Оленей имѣетъ, у самагдѣда они кормятся.

— А развѣ сюда и самогды заходятъ?

— Случается. Канинъ-то недалечко, малая земля тоже. Только этого мѣста они необлюбили. Имъ, извѣстно, тундра нужна. А тутъ что—камень одинъ. Дичь.

— Зимою-то здѣсь еще глуше?

— Чего ужъ глушѣй? Извѣстно, край свѣта. Что дальше есть голомя да Матка, а тамъ лютее море и міру конецъ.

Впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ, затѣмнѣло какое-то пятно, неопредѣленно выдѣляясь изъ сѣрой однообразной массы тумана.

Оттуда слышалось протяжное пѣніе, похожее больше на долгій, словно вымученный, стопъ.

— Да гдѣ же дорога?

Скала здѣсь обрывалась крутымъ откосомъ, на гладкой поверхности котораго только кое-гдѣ чернѣли лучистыя трещины, да зигзагами проходили темныя разщелины.

— Найдёмъ дорогу, небось. Со мной иду. И проводникъ смѣло повернулъ на право, спрыгнулъ въ одну изъ разщелинъ и, поворачиваясь то вправо, то влѣво, пошелъ по неровному дну ея.

Карабкаясь съ камня на камень, цѣпляясь кой-какъ за гладкіе и скользкіе выступы, то пробираясь ползкомъ по узкимъ ложбинкамъ, то висая надъ пропастью и рискуя на каждомъ шагѣ сломать себя шею, мы спустились, наконецъ, въ ущелье, даже въ этой глуши выдававшееся своею оригинальною дикостію. Шириною не болѣе двухъ аршинъ, оно казалось длиннымъ коридоромъ съ отвѣсными, черными, каменными стѣнами, на поверхности которыхъ кое-гдѣ свѣтло-серебристыми пятнами лежали скудный лишайникъ.

Тутъ все поражало крайнимъ безплодіемъ. Двѣтри жалкія былинки, захрипѣвшія и желтыя, трепались у самаго откоса на случайно попавшемъ сюда клочкѣ земли—и больше ничего. Со всѣхъ сторонъ насъ встрѣчали только черносѣрыя и черно-красныя изломы камня, выстилавшего даже дно этого дикаго ущелья.

Мы шли минутъ десять. Наконецъ, ущелье разомъ вышло въ небольшую котловину, образованную двумя рядами везапно расходящихся скалистыхъ стѣнъ. Самый туманъ здѣсь былъ нѣсколько гуще, воздухъ тяжелѣе. Мнѣ казалось, что я на днѣ громаднаго колодца, всѣ мои впечатлѣнія на минуту замерли и самая мысль перестала работать.

— Вотъ оно Воронье дно.

— Отчего оно такъ называется?

— А по времени воронья тутъ много бываетъ.

— Безъ деревьевъ?

— Тутъ птица водится въ норахъ, и онъ указалъ мнѣ на разщелины скалъ. Вотъ и старикъ идетъ. Самъ и есть.

Передъ нами недалекъ показался старикъ, высокій и крѣпкій, съ длинною сѣдою бородою, мрачно нависшими широкими бровями, изъ-подъ которыхъ сверкали пронизательные, черные, не потерявшие своего жгучаго блеска, глаза.

— Здравствуй, старинушко.

Встрѣчный приподнял шапку, не отвѣчая ни слова.

— Отдохнуть къ тебѣ до утра. Можно, что-ль?

Старикъ медленно повернулся. Мы пошли за нимъ въ одно изъ углубленій этой котловины. Наконецъ, передъ нами мало по малу обрисовалось и жилище старика. Громадная каменная плита выступала сверху, оставляя небольшое темное и сырое пространство, между дномъ котловины и своею нижнею поверхностью. Этотъ уголокъ былъ съ трехъ сторонъ обведенъ рядомъ толстыхъ кольевъ, покрытыхъ оленьими шкурами, одна изъ коихъ, откинута, образовывала входъ въ жилищъ.

Внутри было темно.

— Покажи, старикъ, гдѣ прилечь можно? Замерились мы очень; обратился къ хозяину мой проводникъ.

Молчаливый, какъ и прежде, старикъ кинулъ

въ уголъ нѣсколько оленьихъ шкуръ, замѣняющихъ здѣсь постели.

— Ложись, братъ, утромъ рано подыматься надо.

И я съ проводникомъ улегся, не давая себѣ отчета во всѣхъ пережитыхъ мною впечатлѣніяхъ.

* * *

Ночью я проснулся отъ какого-то страшнаго шума.

Открывъ глаза, я думалъ, что вижу сонъ, такъ неожиданна была представившаяся мнѣ картина. Въ углу непригляднаго жилища тускло мерцала лампада, кидая неровный, словно перебѣгающій, свѣтъ на темныя лики образовъ, почернѣвшихъ отъ копоти. Передъ ними, едва озаренная, видѣлась какая-то человѣческая фигура на колѣняхъ, словно замершая, безъ движенія.

Я взглянулъся.

Тусклый лучъ лампады серебрился въ сѣдинахъ молившагося, скользилъ по суровому лицу и порою ярко освѣчивался въ широко раскрытыхъ глазахъ его.

Это былъ нашъ хозяинъ.

Медленно и тяжело поднимавшаяся грудь выдавала неровное глухое рыданіе, какъ то глубоко взволновавшее меня въ мрачныхъ стѣнахъ этого заброшеннаго жилища. Я не слышалъ словъ. Эта молитва была молитвою тоски и скорби безконечной. Сухіе, безъ слезъ, глаза старика сверкали воспаленнымъ блескомъ. Я боялся пошевелиться и не могъ отвести взгляда отъ этой неожиданной картины. Темнота угла, въ которомъ я лежалъ, бредъ моего проводника, мрачныя впечатлѣнія пережитаго дня, все это еще усиливало волненіе, охватившее меня, ощущение какого-то безотчетнаго страха, невольно закрадывавшагося мнѣ въ душу.

Непомню, сколько времени прошло такъ. Усталость взяла свое и я вновь сомкнулъ глаза.

Мнѣ въ эту ночь снились странные сны.

— Вставай, братъ, пора! Послышалось надо мною, и я быстро поднялся.

Въ отверстіи нашего временнаго жилища сѣрѣло блѣдное туманное утро.

Я вышелъ.

Мгла ползла по дну колодца... Туманъ свертывался неопредѣленными складками вверху. Ни луча свѣта, ни блеска зари..., ни звука. Та же мертвая пустыня, тѣ же влажные черные камни съ серебристыми пятнами лишайника, то же самое подавляющее мысль и чувство однообразіе.

— Гдѣ хозяинъ? спросилъ я у проводника.

— А бродитъ, гдѣ поало. Его не увидишь теперь, извѣстно, шатунъ.

— Неужели онъ все тутъ и живетъ?

— Все.

— Никуда не ходитъ?

— Рази за хлѣбомъ въ село—а то куда. Зачѣмъ ему, видишь самъ—одичалъ человѣкъ. Прежде еще на промысла съ нами шатался, да вотъ ужъ года три, какъ пересталъ.

— Господи! да сколько же времени онъ прожилъ тутъ?

— Лѣтъ, почитай, семь будетъ.

— Получаетъ онъ письма?

— Нѣтъ. Станція то у насъ въ селѣ. Разъ, только, давно ужъ это было, еще онъ съ нами жилъ, пришло къ нему письмо одно, при мнѣ это случилось, прочелъ онъ его, да и упалъ, какъ подкошенный. Долго послѣ, словно оглашенный какой, ходилъ. Говорилъ ему что, стоитъ, упрется на тебя глазами, а по лицу видно, что ничего не понимаетъ. Только слезы текутъ, одна за другой такъ и падаютъ. Крѣпко жалѣли его. И отчитывали, да не помогаютъ.

— Неужели онъ давался отчитывать?

— Чего не даваться! Словно малый ребенокъ сталъ, куда его ведешь, туда и идетъ. Только ужъ не знаю, что потомъ было, мы всѣ на Матку, на промысла, срядились, а онъ въ это время и уйдя сюда, въ Воронье дно самое. Воротились мы—его ужъ и нѣтъ.

— Какъ звать то его?

— Прозвище у него мудреное. У насъ развѣ одному писарю вѣдомо, а промежъ себя мы его по имени и отчеству больше, Иваномъ Павловымъ, прозываемъ.

— Ты говоришь, что онъ прежде съ вами на промысла ходилъ?

— Да, хаживалъ.

— И работалъ?

— Какое работалъ! Станетъ себѣ на берегу, да и смотритъ на море, любо ему, значитъ, какъ волны